ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: ОПЫТ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОВЕЩАНИЙ

Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции
Томск, 19 – 21 мая 2010 г.

«Аграф-Пресс»
2010

фактор стабильности государства и общества, как объединяющая национальная идея, сегодня, как никогда раньше, становится серьезным фактором национальной безопасности государства» (Там же, с. 129).

В разделе «Проблемы образования в культурологической и смежных с нею областях знаний» помещены работы Д.А. Алисова «Культура городов Западной Сибири (XIX – начало XX в.) (программа специальной учебной дисциплины)» (2003), М.Л. Бережновой «Из опыта преподавания курса «Истории русского костюма»» (2003), Г.Е. Гоменюк «Урок этнографии (из опыта работы учителя гимназии)» (2004) и С.А. Блохиной «Формирование у школьников интереса к культуре народов Омского Прииртышья в процессе изучения предмета «Технология» (2008).

В разделе «Рецензии, обзоры и библиография» помещены рецензии на монографии и труды, в которых освещаются и вопросы народной культуры горожан: на книгу Ю.М. Гончарова «Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в.», на «Краткую энциклопедию купечества и коммерции Сибири» и на монографию А.И. Куприянова «Русский город в первой половине XIX века» (Алисов, 2000а; 1999б; 2000б), на книгу Г.Г. Беляевой «Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX –XX веков. Полотенца» (Жигунова, 2008), на коллективный труд «Размышления над книгой «Этнограф, этноархеолог, культуролог…» К 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова» (Корзун, 2007), на книгу «Татары» (Корусенко, 2004), на книгу В.Н. Курилова и А.Ю. Майничевой «Крепость и храм» (Лебедева Н.И., 2005), на коллективный труд «Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв.» (Селезнёва, 2005), монографию Н.И. Лебедевой «Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья» (Степанская, 2005), на сборник научных трудов «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне» (Томилов, Томилова, 2001), на монографию Ш.К. Ахметовой «Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде» (Щеглова, 2005).

В разделе «Юбилейные события» помещено несколько статей об ученых, которые в той или иной степени касались вопросов городской народной культуры или имели труды по традиционно-бытовой культуре горожан - это очерки об Д.А. Алисове, Н.М. Геновой, Г.Г. Волощенко, Г.М. Патрушевой, Н.М. Томилове, а также статья О.И. Мартыновой «Пятнадцать лет городской научно-творческой лаборатории «Проблемы и перспективы развития народной культуры на современном этапе» (2008). Кроме того, в разделе «Хроника научной жизни» фактически в каждом номере журнала освещается работа многих международных, всероссийских и региональных научных семинаров, симпозиумов, конференций, конгрессов и съездов, на которых также рассматривались проблемы изучения прошлого и настоящего народных явлений городской культуры.

В журнале имеется «Литературно-публицистическая страница», в которой также иногда печатаются материалы по народной культуре разных этносов, но в основном они касаются культуры сельского населения. Городской культуре и быту посвящены лишь две работы – это публицистические статьи Л.И. Алимовой «Умырзая» – такой родной и нежный» (2005) и И.П. Шихатова «Игрушки детей войны» (2001).

Таким образом, наше первоначальное мнение о том, что проблематике городской традиционно-бытовой культуры в журнале «КИС» уделялось недостаточное внимание, оказалось не совсем правомерным. За 10 лет существования журнала в нем были опубликованы как серьезные теоретические статьи по данной проблематике, так и многочисленные работы по конкретным явлениям народной культуры городского населения России. Тем не менее, назрела необходимость более широкого освещения в журнале научных тем по городской народной культуре. Мы планируем один из последующих номеров журнала целиком посвятить данной проблематике и предлагаем специалистам прислать в журнал свои статьи.

Н.В. ТОРОЩИНА, И.В. ЧЕРНОВА
Россия, Томск
Томский государственный университета

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬКУПСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ИМ. В.М. ФЛОРИНСКОГО ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (далее МАЭС ТГУ) хранятся детали шаманского костюма, представленные следующими предметами:

«1) Платок фабричного производства, с рисунком, на углах пришиты бронзовые подвески – пуговицы с ушками, на некоторых из них концентрические круги.

2) Платок ситцевый, цветной, к нему привязан пояс из двух полос ткани. На свободном конце пояса привязано 10 шкурок ласки. По всей длине пояса бронзовые нашивки в виде полосок из смыкающихся кружков и полукружков. На ремешках, продетых в медные трубочки либо в крупные бусы, к поясу прикреплены бронзовые ажурные круглые подвески с солярными изображениями. Сюда же относились утраченные ныне череп и 4 кости медведя, платок с 4 поясами и 7 хвостами. Длина пояса 105,0 см, ширина 4,5 см» (Каталог этнографических коллекций…, 1979, с. 269, 293, табл. XXX/ *8*) (рис. 1).

Более подробное описание предметов костюма подготовлено В.М. Кулемзиным в научном паспорте отдела этнографии музея. Там же в подпункте, содержащем сведения о месте и дате сбора или поступления в МАЭС ТГУ предмета, о собирателе или дарителе, указано: «Получены от н[аучного] с[отрудника] Жарковой и студ[ентки] Садовской осенью 1939 г. в результате геоботанической экспедиции в с. Кананак Тымского р[айо]на Нарымского округа. Ими приобретены у шаманки остячки, умершей в возр[асте] 108 лет. Часть костюма была подарена внуками шаманки, членами промыслово-охотничьей артели. Другую часть старуха перед смертью спря-

тала неизвестно куда» (Научный паспорт…). Согласно списку собирателей и дарителей этнографических предметов и коллекций за период с 1882 по 1972 гг., опубликованном во второй части указанного каталога (Каталог этнографических коллекций…, 1980, с. 227, 223), Жаркова Мария Фёдоровна, являлась научным сотрудником кафедры геоботаники ТГУ с 1925 по 1940 (?) г., а Садовская Нина, в 1939 г. была студенткой ТГУ, геоботаником.[1]

В связи с интересом авторов к истории шаманских семей Притымья, шаманским атрибутам и т.д. (Боброва и др., 2002, с. 106–139; Чернова, Торощина, 2008, с. 235–243) возникло естественное желание выявить реальные факты в этой полулегендарной истории о костюме 108-летней старухи-шаманки из Кананака. Первым шагом стало установление биографии М.Ф. Жарковой, благодаря усилиям которой в МАЭС поступили указанные предметы. Одновременно проводился поиск архивных материалов о геоботанической экспедиции на Тым в 1939 г. в надежде найти записи о дарении частей костюма.

Удалось выяснить, что Жаркова (Рубан) Мария Федотовна (так записано отчество в заполненной ею лично анкете) родилась в местечке Царичанка Кобельского уезда Полтавской губернии в 1906 г. в семье крестьянина. Впоследствии семья переехала в Сибирь на жительство. Мария Федотовна закончила Павлодарскую школу II ступени. Шесть лет учительствовала в Забаровской и Баян-Аульской школах Павлодарского округа. В 1926 г. вышла замуж за Жаркова Анатолия Ивановича, вместе с ним приехала в Томск и с 1 сентября 1930 г. была зачислена в Томский государственный университет на факультет растениеводства и животноводства. В начале 1931 г. она была отчислена из университета по состоянию здоровья, но в мае того же года восстановлена вновь на тот же факультет. В 1935 г. её едва не отчислили из университета как «чуждый элемент» – дочь торговца мясом и скотом, лишённого избирательных прав. Спасло М.Ф. Жаркову то, что она в 17 лет покинула отчий дом, уехав учиться, а уже в 20 лет начала работать по найму, занималась общественной работой, была членом профсоюза. С отцом она практически не общалась, мать, разведясь с отцом, жила в семье Жарковых, работала буфетчицей. На иждивении Жарковых находились два брата Марии Федотовны 13 и 14 лет (Личное дело…, д. 823, л. 1–24, 27). Муж был студентом того же факультета. У супругов Жарковых подрастала дочь Римма. В 1938 г. Мария Фёдотовна закончила университет по специальности «геоботаник» и была зачислена младшим научным сотрудником на биологический факультет. 18 марта 1941 г. уволена с этой должности в связи с сокращением штата (Документы уволенных…, д. 10, л. 99–99 об.)[2]. Осталось невыясненным, как прожила Мария Федотовна военные годы. Известно только, что её муж погиб в 1942 г. (Красногоров, 1957, с. 7). В октябре 1944 г. М.Ф. Жаркова забрала из канцелярии университета диплом о высшем образовании и указала в заявлении, что собирается выехать на Украину (Личное дело..., д. 823, л. 27). Это последние известные нам документальные сведения из её биографии.

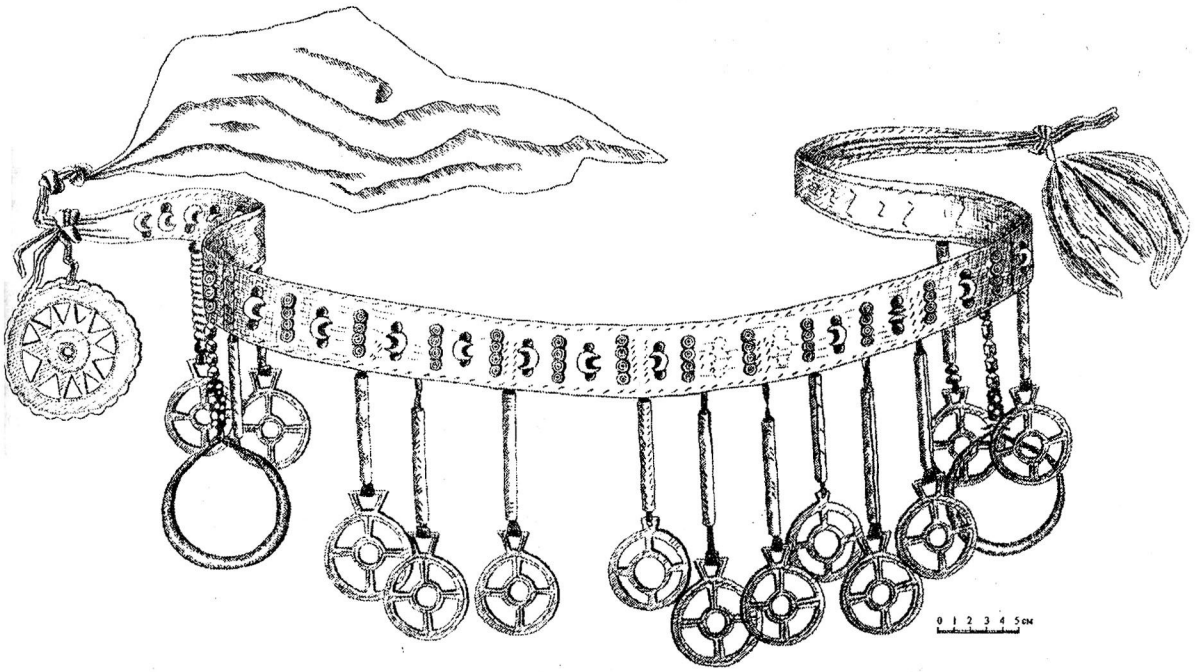

Рис. 1. Шаманский пояс (из фондов МАЭС ТГУ, № 6327-б,в)

Будучи студенткой университета, М.Ф. Жаркова участвовала в научных экспедициях. Например, в 1936–1937 гг. она работала в составе Туруханской земле-водо-устроительной экспедиции Красноярского Крайзо. В архиве Гербария им. П.Н. Крылова ТГУ сохранился её отчёт об этой экспедиции. Там же хранится и отчёт геоботаника М.Ф. Жарковой «Растительность р. Тым» об экспедиции в Притымье в 1939 г. Сборы материалов из этой экспедиции хранятся в Гербарии[3] ТГУ. Во время экспедиции М.Ф. Жаркова посетила Кананак, где собрала разнооб-

---

[1] Авторы статьи искренне благодарят к.и.н., заведующего МАЭС ТГУ Ю.И. Ожередова за консультации и информацию по истории формирования этнографических коллекций.

[2] Авторы выражают признательность заведующей Архива ТГУ Л.В. Михайличенко за помощь в поисках данных о М.Ф. Жарковой.

[3] Авторы статьи искренне благодарят старшего лаборанта Гербария им. П.Н. Крылова ТГУ Н.В. Курбатскую за консультации и информацию о научной деятельности А.И. и М.Ф. Жарковых.

разный материал. Именно из этой поездки привезены интересующие нас детали шаманского костюма. К сожалению, машинописный текст отчёта о Тымской экспедиции не содержит никаких этнографических сведений. Других материалов об этой экспедиции на сегодня обнаружить не удалось.

Таким образом, из экспедиционных материалов М.Ф. Жарковой и документации МАЭС ТГУ выяснить фамилию, годы жизни шаманки, фамилии детей и внуков, передавших костюм, не удалось. Из других источников известно, что в Кананакский сельсовет в конце 1930-х гг. входили 4 населённых пункта: Кананак, Пыль-Карамо, Каджи и Малый Компас. В течение двух десятилетий, предшествовавших экспедиции, демографическая ситуация в указанных посёлках не была стабильной. По данным на 1920 г., в трёх населённых пунктах – Кананак, Компас и Пыль-карамо – проживали исключительно остяки. Численность населения была чрезвычайно мала: Кананак – 3 человека, Компас – 3, Пыль-карамо – 6 человек (ГАТО, ф. Р-593, оп. 1, д. 562, л. 40). По данным на 1936 г., в Кананаке было 13 хозяйств (37 человек), в Малом Компасе 3 хозяйства (15 человек), в Пыль-карамо 11 хозяйств (32 человека), в посёлке Каджи 5 хозяйств (26 человек) (ГАТО, ф. Р-593, оп. 1, д. 667, л. 76). Здесь проживали уже не только коренные жители этих мест – остяки, но русские и ханты (Матов, 1996, с. 268).

Материалы экспедиции П.И. Кутафьева на Тым в 1938 г. (Каталог этнографических фотографий, 2004, с. 32, 51, 55) и данные похозяйственных книг свидетельствуют о перемещениях жителей внутри этих поселков. Учитывая, что по данным на 1936 г. в этих населённых пунктах проживало 110 человек, можно считать, что списки членов артелей, в которых выявлен 81 человек, достаточно полно представляют трудоспособное население посёлков. Анализируя пофамильный состав, на наш взгляд, правомерно исключить из него переселенцев (русских, селькупов и хантов), поскольку детали шаманского костюма принадлежали, вероятнее всего, коренной жительнице этих мест. В списках членов артелей Кананакского сельсовета встречаются по одному представителю коренных тымских фамилий: Арнянгиных, Келикельдиных, Чугольчиковых. А вот представители Каяловых, Кулевых, Пычкиных, Саргаевых и Пыршиных многочисленны. Учитывая, что Пыршины являются основателями населённого пункта Пыль-карамо, а Чугольчиковы-Саргаевы были первыми жителями Кананака, женщину-шаманку, вероятнее всего, нужно искать среди представителей этих фамилий. Немаловажным доказательством в пользу этой версии является и то, что только в 1900–1920 гг. представители этих фамилий заключили между собой не менее 15 браков. Исходя из этого, можно заключить, что значительная часть артельщиков находилась в разных степенях родства, установить которые, как и возраст жителей Кананакского сельсовета, возможно лишь по хозяйственным или метрическим книгам, в настоящий момент не доступным для исследователей.

На основе косвенных данных собираются сведения о том, что Пыршины шаманили (Пелих, д. 249-1, л. 16, 16 об.). Многочисленны сведения о Пыршиных, Пычкиных как о хранителях старинных традиций, примет и фольклора. Многие селькупские сказки записаны этнографами именно от представителей этих семей. Таким образом, на сегодня возможно только ограничить круг семей, к которым могла принадлежать шаманка.

А.Г. ТУЧКОВ
Россия, Томск
Томский государственный педагогический университет

«МУЖЧИНА БЕЗ СОБАКИ В ЛЕС НА ОХОТУ НЕ ПОЙДЁТ» (СОБАКА В ХОЗЯЙСТВЕ НАРЫМСКИХ СЕЛЬКУПОВ)

Традиционная культура нарымских селькупов представляла глубоко сбалансированный и хорошо адаптированный к среде обитания механизм. Природный фактор предопределил особенности хозяйственной деятельности этноса, в основу которой легли рыболовство и охота. Широко распространённым явлением традиционной экономики селькупов в качестве вспомогательной отрасли было собаководство.

Вопрос о собаководстве у нарымских селькупов специально не рассматривался; о значении собаки в системе жизнедеятельности говорилось в контексте исследований особенностей их культуры (Кастрен, 1999, Плотников А.Ф., 1901, Головнёв, 1993). Свидетельств, описаний и оценок значения этого компонента селькупского хозяйства крайне мало. Но и небольшой объём материала предоставляет возможность охарактеризовать некоторые черты селькупского собаководства. Опираясь на имеющийся источниковый фонд – публикации, архивные материалы (ГАТО, Архив ТОКМ), материалы полевых исследований (этнографические (ПМ Н.А. Тучковой, А.Г. Тучкова)[1] и лингвистические (ПМ Н.П. Максимовой)[2], попытаемся определить значение собаки в культуре нарымских (среднеобских) селькупов.

Использование собак в упряжке

Большинство исследователей отмечали ведущую роль собаки, прежде всего, как транспортного животного (Кастрен, 1999, с. 133–134; Плотников А.Ф., 1901, с. 69). В этом качестве их использовали в основном в начале промыслового сезона, когда охотнику с семьёй было необходимо перебраться на охотничьи угодья. Собак впрягали в лёгкие нарты, служившие своеобразным складом для орудий лова, припасов и продуктов питания, для перевозки детей. Обычно собак в нарты впрягал мужчина, но иногда это делала женщина. Если семья перебиралась

[1] ПМ Н.А. Тучковой: 1992 – Грядюшко Л., Нарым-Тюхтерево; Малькова (Иженбина) Г.Е., Нарым; Саиспаев К.Д., Заозеро; Саиспаев И.Е., Иженбина Н.В., Новосельцево; Саиспаев Л.С., Тюхтерево; Чичигина А., Нарым; 1997, 2001 – Ипоков И.В., Кёнга; ПМ А.Г. Тучкова: 1992 – Коскин С., Тюхтерево; 1994 – Инкин С., Нарым-Тюхтерево.

[2] Фразы на селькупском языке подготовлены к публикации канд. филол. наук А.В. Байдак.